

ческих знаний, ведь всего в школьную программу не вместить. Автор книги считает, что стоит, и, более того, серьезное литературоведение необходимо на уроках литературы, даже если после школы выпускники будут поступать в негуманитарные вузы. Любая наука, в том числе литературоведение, — такой же живой и развивающийся организм, как искусство, и труды великих литературоведов (ко многим из которых обращается в своей книге Лев Соломонович) требуют от читателя не меньшего творческого участия, чем произведения великих писателей. Понятийный же аппарат, формулы и схемы творческого участия не требуют, а требуют только применения.

В «Педагогической непоэме» подход к преподаванию литературы рассмотрен в динамике практически за весь период, который автор проработал в школе; указаны и детально разобраны причины, приведшие, по мнению Льва Соломоновича, современное преподавание литературы в тупик. Следует отметить, что вся критика, приведенная на страницах книги, — это критика конструктивная, а заключительная четвертая часть «Педагогической непоэмы» («Возможность спасения») полностью посвящена предложениям Льва Соломоновича по исправлению сложившейся ситуации. Возможно ли ввести в школах предложенные Львом Соломоновичем меры и насколько они будут эффективны, профессионально могут судить лишь специалисты, среди которых обязательно должны быть практикующие учителя литературы. «Педагогическая непоэма» — не сборник готовых ответов, но книга, призывающая к размышлению, рассуждению и обсуждению (возможно, в свете существующей ситуации в преподавании, которую описывает автор, эта книга могла бы называться и «Непедагогической непоэмой»).

«Много лет назад меня как-то вызвала директор школы. “Нам в этом году предложили провести экзамен по литературе в 9-м классе для тех, кто его выбрал, в такой форме, в которой мы сами хотим. Что вы можете предложить?” Я сказал, что хотел бы провести экзамен так, чтобы девятиклассники могли к нему не готовиться, ничего не учить и не повторять, а чтобы накануне экзамена могли отдыхать, гулять и не думать об экзамене. А для этого нужно на экзамене проверить не то, что они выучили, а то, чему они научились.

И на экзамене на три часа мы положили перед девятиклассниками тексты двух стихотворений: “Я — Гамлет. Холодеет кровь...” Блока и “Диалог Гамлета с совестью” Цветаевой. И предложили им сравнить Гамлета Блока и Гамлета Цветаевой. <...> Таким образом, на экзамене ученики не отчитывались о выученном, а вчитывались в художественные произведения, им ранее не известные, шли вместе с тем к более глубокому пониманию того, что было на уроках.

Как правило, когда ученик выходит из класса после контрольного сочинения или экзамена по литературе, он знает столько же, как тогда, когда входил в класс. Выучил, пришел, написал, сдал, получил оценку и, возможно, скоро все забудет. А надо, чтобы после контрольной или экзамена он, обогащенный, знал больше, понимал лучше, чувствовал глубже. Пусть даже на чуть-чуть»

Анаит Григорян

Оправдание Страхова

Л.Г. Фризман, Т.В. Ведерникова. Уроки Страхова. — Харьков: Майдан, 2012.

Согласно аннотации это «первая в нашей науке монография» с целостной характеристикой Н.Н. Страхова-критика. Правда, в библиографии названа 256-страничная книга Н.А. Горбанева «Литературная критика Н.Н. Страхова» (Махачкала, 1988), а в первой главе своей работы — об изучении страховского критического наследия — Л.Г. Фризман и Т.В. Ведерникова характеризуют лишь одну статью Горбанева, соглашаясь с ее главной мыслью, согласно которой Страхова нельзя считать просто учеником и последователем Ап. Григорьева. Кроме того, они справедливо отмечают, что не зря с его оценками «так считались и так высоко их ставили два самых великих его современника — Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский», однако у них главы о Достоевском нет, есть лишь главы о тех статьях Страхова, которые посвящены Пушкину, Тургеневу и Толстому, причем только в конце книги, в

скобках на с. 170, сообщается, когда он лично познакомился с Толстым (в 1871 году). Возможно, авторы предпочли рассматривать не отношения двух почвенников, а работы второго из них о писателях, мировоззренчески менее близких ему. Фризман и Ведерникова оговаривают, что, например, политические разногласия Страхова с Толстым нарастали в связи с усилением критицизма в позднем толстовском творчестве, сам же писатель осуждал ряд личных недостатков Страхова, но продолжал поддерживать с ним самые близкие отношения, более того — хотел бы, чтобы тот стал его душеприказчиком.

К сожалению, четкой мотивировки отбора материала в книге нет. Тем не менее она в общем полезна и независимо от степени новаторства авторов. Страхов чаще всего негативно оценивался в советское время, и даже в 1991 году далекий от официоза биограф Достоевского И.Л. Волгин, «не отрицая определенных достоинств критика», все-таки «не скупится на обвинения его в лицемерии, двуличии и других смертных грехах». Он до сих пор нуждается в реабилитации, и этим книга харьковчан ценна.

Они доказывают, что много занимавшийся естественными науками Страхов «не был критиком-бойцом» и не стремился непременно «возобладать над критикуемым автором», отсюда его «резвый взгляд на вещи, тяготение к последовательности, всесторонности, строгой научности подхода». Он оказывался прав прежде всего в своих положительных оценках, полемизировал с писателями и критиками редко и в корректном тоне, избегая принижения оппонентов, карикатуры или шаржа, столь распространенных в тогдашней критике и публицистике.

Когда общественное мнение считало творчество Пушкина устаревшим, а самого его — консерватором, Страхов все-таки вслед за Ап. Григорьевым, но вопреки славянофилам, превозносившим Гоголя в ущерб Пушкину, признал поэта подлинно всесторонним («полным») художником и заявил, что только как великий поэт он и ужился со своим временем. Первый раздел главы о нем называется «Н.Н. Страхов в полемике вокруг наследия А.С. Пушкина», а второй неудачно назван «Новаторство А.С. Пушкина в оценке Н.Н. Страхова»: в нем говорится не о том, чем Пушкин обогатил литературу по сравнению со своими предшественниками, а продолжается рассказ о полемике вокруг его наследия, закончившейся, как казалось, пушкинским праздником 1880 года с нашумевшей речью Достоевского; впоследствии Страхов пришел к выводу, что это событие было оценено слишком высоко. Третий раздел «пушкинской» главы посвящен Пушкину-пародисту. Страхов писал, что «История села Горюхина» — пародия на «Историю государства Российского» Карамзина (точка зрения оспаривалась), а так называемые «второе и третье “подражания Данту”» — на «Ад» из «Божественной комедии», но Фризман и Ведерникова ограничиваются рассмотрением суждений в критике (не только страховской) и литературоведении об «Истории села Горюхина». Это, во всяком случае, не самая популярная среди филологов тема.

В главе о Тургеневе Страхову отдается предпочтение не только перед Антоновичем, но и перед Писаревым как критиками, по-своему анализировавшими роман «Отцы и дети». Он, говоря о Базарове, исходил не из собственных вкусовых предпочтений, а из своего понимания логики его характера. Тургенев, раньше изображавший людей раздвоенных, как Рудин, достиг, наконец, того, что создал сильное лицо, цельный характер. Базаров был оценен Страховым как не только новый социальный характер, но и национальный тип, а «Отцы и дети» признаны новаторским нетенденциозным произведением. Правда, объяснение того, почему в «Дыме» нет персонажа, подобного Базарову, нельзя признать убедительным: «Для И.С. Тургенева реформы 1860-х гг. устранили для России необходимость социальной революции, те же, кто продолжал к ней стремиться, подверглись осмеянию, и Базарову в «Дыме» уже места не было». Да разве в период «Отцов и детей» Тургенев считал революцию необходимой? Но люди типа Писарева с усилением реакции, конечно, сочли жесткий радикализм несвоевременным. Страхов же в романе «Дым» не принял западных убеждений Тургенева. Потом, однако, смягчил свое отношение к этому произведению, увидел в нем итог плодотворных художественных поисков. Исчезли упреки писателю в незнании русской жизни. Изображение им иностранцев вызвало у критика сомнение в последовательности тургеневского западничества.

Предельно объективен он был в суждениях о том, что писатель создал за свои восемь лет после «Отцов и детей», в 1863—1871 годах, когда в обществе активизировалось «славя-

нофильство», а точнее сказать — официальная «народность» после польского восстания 1863 года, повлекшего за собой закручивание идеологических «гаек» во всей империи (о чем авторы книги не упомянули). «В статье “Последние произведения Тургенева” Н.Н. Страхов подходил к ним не столько как критик, сколько как историк литературы. Непосредственный отклик на те или иные произведения уступает место их осмыслению в более широкой исторической перспективе». Автор поздних работ о Тургеневе был убежден, что «писатель не просто имеет право идти против “господствующего ветра”, но в этом состоит его долг и призвание. Обвинения, которые навлек на себя И.С. Тургенев, полагает Н.Н. Страхов, являются следствием излишней нетерпимости и явлением временным».

Целостность художественного воплощения действительности покорила его в Толстом. Одним из первых критик распознал в нем и самобытного, бесстрашного мыслителя. Толстого-философа он не отделял от Толстого-художника. Его статьи о «Войне и мире», по сути, первая монография о великой книге (он первый и определил ее как великую), выделяется среди других отзывов, поначалу в основном недоброжелательных, когда в толстовской эпопее (это определение дал ей именно Страхов) видели элитарное произведение о князьях и графах. Страхов отметил в ней противостояние распространившемуся отрицанию национальных устоев, в то время как другие обвиняли писателя в антипатриотизме. Лучшим изображением человека из народа в русской литературе он признал образ Платона Каратаева. Хотелось бы, правда, знать более определенное отношение Л.Г. Фризмана и Т.В. Ведерниковой к этой мысли, как и к другой — о близости «Войны и мира» к пушкинской «Капитанской дочке»: это верно во всем или в чем-то конкретно?

Страхов подчеркивал также, что нигде до «Войны и мира» с такой силой не выступала семейная жизнь. Вместе с тем и «Анну Каренину» он понял лучше всех критиков 1870-х годов, видевших в ней аристократический роман, перегруженный деталями, излишними подробностями. «Отмщение» в эпитафии он истолковал, в сущности, не как божественное: к Анне оно приходит в виде внутренней опустошенности, ощущения тупика, сознания неизбежности гибели. Критик оценил и отдельные сцены, например, первое в русской литературе развернутое описание венчания. Роман берется в контексте современных ему произведений, очень разных по мирозерцанию авторов: нравственный хаос; отчаяние, жестокое колебание человеческой совести, самоубийства сближают «Анну Каренину» с «Новой» Тургенева и «Братьями Карамазовыми» Достоевского. Толстовский роман поставлен и в европейский контекст. По сравнению с его автором, утверждал Страхов, «Мюссе, Жорж Санд и Тургенев стоят неизмеримо ниже». Он первый написал о мировом значении «Анны Карениной». Именно в 1870-е годы Страхов и Толстой были особенно близки. Толстой пронизательно почувствовал в нем «человека, которому были свойственны постоянные духовные искания», сам же Лев Николаевич не останавливался в них никогда.

Заключая, Л.Г. Фризман и Т.В. Ведерникова выделяют слова своего героя о том, что толковать поэзию трудно, а судить — удивительно легко: «Страхов всей своей деятельностью подтвердил приверженность этому принципу. Он всегда стремился не судить художественные произведения, а толковать их, и этому искусству у него будут учиться новые поколения критиков». Надо надеяться, будут. Если...

Если их не оттолкнет то, как подготовили книгу к печати филологи, Страхова реабилитирующие. При красивой обложке ее внутреннее оформление страховидно. Ссылки в ней даются на нумерованный список литературы, но нумерация эта сбита — часто соавторы в тексте ссылаются совсем не на тот номер, то есть на абсолютно другой источник. Два номера пропущены вовсе (после 175-го сразу следует 178-й), а 6-й том Полного собрания сочинений (и писем, что не отмечено) Тургенева включен в список без номера, и на него фактически нельзя ссылаться. То пропадает какой-нибудь номер тома в другом издании, то год выпуска книги, то исказится название статьи — самый яркий пример: «Пиксанов Н.К. Роман толстого “Отцы и дети”» (с. 183). Ведь знал же Пиксанов, что «Отцы и дети» написал Тургенев, и что толстым он не был. Неоднократно искажены те или иные инициалы (с. 24, 105, 130, 136, 178, 183, 186). Когда у издания есть редколлегия, указывается только один ее член по алфавиту, а не главный редактор. Не был А.И. Баттюто главным редактором Полного собрания сочинений Достоевского (был Г.М. Фридендер), не была В.С. Нечаева главным редактором 11-го тома «Литературной энциклопедии» (с. 180, 181), а совсем маленький литературовед В.А. Скиба — соредктором Л.В. Чернец в двух-

томнике «Русские писатели. XIX век» (с. 184): это важный чиновник от литературоведения П.А. Николаев взял себе Чернец в практические редакторы, а та вместе со Скибой, своей ученицей, написала словарную статью о Страхове. Академия педагогических наук РСФСР (АПН) повышена до уровня Академии наук (АН), имевшей тогда общесоюзный статус (с. 177).

На с. 8 говорится, что в библиографическом указателе «Русская литература XIX века» под редакцией К.Д. Муратовой «за более чем пятидесятилетний период (1917—1952) зарегистрирована лишь одна исследовательская статья, в которой упоминается имя Страхова», — что за странная арифметика в подсчете годов? На с. 125, очевидно, от имени Т.В. Ведерниковой сказано: «Как справедливо отмечает Л.Г. Фризман в книге «Декабристы и русская литература» <...>». По всей видимости, в диссертации была ссылка на монографию научного руководителя. Она без изменений перенесена в книгу, где работа соавторов не дифференцирована. Получилось, что Л.Г. Фризман признает справедливым ранее написанное Л.Г. Фризманом.

Немало в книге и других ошибок разного рода (правда, сравнительно мелких) и недосмотров, есть не вполне ясные выражения, например, об А.М. Скабичевском, который «причислял Л.Н. Толстого к художникам-эмпирикам и тем самым доказывал, что он не только противник натурализма, но и реализма» (с. 156). Эмпиризм-то как раз при-сущ натурализму. Так кто же здесь «он» — Толстой или Скабичевский?

Будем рассчитывать на читателей грамотных и внимательных, которые разберутся, что к чему, хотя, конечно, жаль, что большая работа по реабилитации весьма достойного критика не оказалась подтверждена меньшей работой — добросовестной редактурой или саморедактурой написанного.

Сергей Кормилов

Маска, я тебя знаю...

С.Г. Исаев. *Литературно-художественные маски: теория и поэтика.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.

Перед нами серьезный научный труд, потребовавший от автора почти двадцатилетней работы (и являющийся продолжением и развитием идей его же книги «Сознанию неизвестная мощь...». Поэтика условных форм в русской литературе начала XX века». Великий Новгород, 2001). Об этом говорит и язык, вобравший в себя современную терминологию: «концепты», «коммуникации», «невербальная семиотика», «призма идентичности», «инварианты культурологических парадигм» и т. п., абсолютно внятный филологу, который, кстати, много почерпнет и из богатейшего списка литературы, приведенного в конце книги. Хотя я, признаться, споткнулась на фразе: «Встречное движение сюжетных линий, выявляемое семиотикой ярмарочной модели, представленной в двух разных фазах, оказывается важным текстовым предупреждением», — но это совсем не значит, что обычный читатель запутается в изложении и не поймет главных посылов ученого, тем более что, к чести С.Г. Исаева, он не часто злоупотребляет подобного рода терминами.

Доступным «широкому кругу читателей» (к которому труд также адресован, о чем упомянуто в аннотации) делает его прежде всего четкая композиция. Нарращивание смыслов идет постепенно: от первого раздела, дающего представление о маске как форме художественного мышления (здесь рассматриваются и литературные, и авторские маски, место маски в композиции текста, варианты стилизации), через второй, где «маска» включена в театральную, ярмарочную, карнавальную и маскарадную стихии, к третьему, в котором сделана попытка разграничения/соединения маски с «лицом», «лицом», «личной» и предложены различные варианты «сращений» и «превращений». Открытое ранее начинается «работать» впоследствии, на новом материале. А так как движение от раздела к разделу совершается в русле общетеоретического замысла книги, который предусматривает и детальную проработку, и дифференциацию принципов метафорического, мето-